

Литература

1. Дейнеко, А. Г. О правовой природе интернет-мемов / А. Г. Дейнеко // Труды по интеллектуальной собственности, 2019. – Т. XXXIII. – № 1-2. – С. 45-68.
2. Залесская, Н. А. Белорусский интернет-мем как хранилище культурного кода сетевого сообщества / Н. А. Залесская // Вести Института современных знаний : ежеквартальный научно-теоретический журнал / учредитель – частное учреждение образования «Институт современных знаний имени А. М. Широкова». – 2018. – № 3. – С. 91-95.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г. : с изм. и доп. Закон Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

Уголовно-правовая регламентация эвтаназии

*Нагорная А. Д., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. Казак С. В., канд. юрид. наук, доц.*

Право на смерть представляет собой право человека на добровольный уход из жизни. В качестве форм реализации данного права традиционно выделяют самоубийство и эвтаназию. В настоящее время большинство государств отрицает легальность проведения эвтаназии и устанавливает уголовную ответственность за ее совершение. Республика Беларусь не является исключением, в связи с чем вопрос проведения эвтаназии требует четкой уголовно-правовой регламентации. Легальная дефиниция эвтаназии закреплена в ч. 1 ст. 31 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» от 18.06.1993 г. (далее – Закон о здравоохранении): «эвтаназия – удовлетворение просьбы пациента о прекращении жизнедеятельности его организма и наступлении смерти посредством каких-либо действий (бездействия) с целью избавления от мучительных страданий, вызванных неизлечимым заболеванием» [1, ст. 31]. Прежде всего необходимо отметить, что в данной норме законодатель называет лицо, желающее осуществить в отношении себя эвтаназию, пациентом. В соответствии со ст. 1 Закона о здравоохранении, под пациентом понимается физическое лицо, обратившееся за медицинской помощью, находящееся под медицинским наблюдением либо получающее медицинскую помощь [1, ст. 1]. Исходя из этого, можно констатировать следующее: в отношении пациента эвтаназию может осуществить только медицинский работник, предоставляющий ему медицинскую помощь либо осуществляющий медицинское наблюдение за ним. Считаем данное обстоятельство корректным, поскольку по своей сути эвтаназия представляет собой медицинскую услугу, запрещенную законом,

которую может оказать только медицинский работник. В связи с этим считаем не совсем удачной формулировку, приведенную в ч. 2 ст. 31 Закона о здравоохранении, поскольку она чрезмерно расширяет круг субъектов, способных осуществить эвтаназию. Считаем также целесообразным изложить ч. 2 ст. 31 Закона о здравоохранении в следующей редакции: на территории Республики Беларусь осуществление эвтаназии запрещено.

В настоящее время осуществление эвтаназии может квалифицироваться по ч. 1 ст. 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) либо по п. 2 ч. 2 ст. 139 УК по признаку убийства лица, находящегося в беспомощном состоянии. Прежде всего необходимо отметить, что презюмирование беспомощного состояния лица во всех случаях совершения эвтаназии не является корректным. Определение беспомощного состояния закреплено в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17.12.2002 № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» и представляет собой невозможность оказания преступнику активного сопротивления в силу своего физического или психического состояния [2, п. 6]. Считаем, что в случае осуществления эвтаназии инициатором ее проведения является потерпевший, принявший самостоятельно такое решение. Ввиду данного обстоятельства в его цели не входит противостояние действиям лица, осуществляющего процедуру эвтаназии. На основании этого считаем не применимым к потерпевшему от эвтаназии признака лица, находящегося в беспомощном состоянии. Однако если эвтаназия будет осуществляться помимо воли потерпевшего, то содеянное, на наш взгляд, следует квалифицировать по п. 2 ч. 2 ст. 139 УК. В случае квалификации осуществления эвтаназии по ч. 1 ст. 139 УК существует явно выраженное несоответствие степени общественной опасности совершенного деяния и его уголовно-правовой квалификации. В связи с этим считаем целесообразным дополнить УК привилегированным составом, устанавливающим ответственность за осуществление эвтаназии. В частности, предлагаем дополнить УК статьей 144-1 «Эвтаназия». По своей характеристике данный состав должен относиться к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности. В качестве непосредственного объекта преступления необходимо рассматривать жизнь пациента, страдающего неизлечимым заболеванием. По конструкции объективной стороны данный состав должен относиться к формальным. В качестве обязательных признаков объективной стороны состава данного преступления предлагаем выделить деяние и способ совершения, который для осуществления эвтаназии должен выражаться в использовании субъектом своих специальных знаний в медицине. Субъект данного преступления – специальный (медицинский или фармацевтический) работник. Субъективная сторона должна быть выражена прямым умыслом и наличием цели: облегчить страдания и мучения пациента.

Таким образом считаем, что для совершенствования уголовно-правовой регламентации эвтаназии необходимо внести вышеуказанные изменения в Закон о здравоохранении и УК Республики Беларусь.

Литература

1. О здравоохранении: Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435 – XII: с изм. и доп. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 23.10.2023.

2. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь 17 декабря 2002 г., № 9 // ЭТАЛОН. Судебная практика / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2002.

Принцип прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве

*Слабейко Н. М., асп. БГУ,
науч. рук. Романова О. Н., канд. юрид. наук, доц.*

Гражданское процессуальное право, как и иные отрасли права, строится и функционирует на основе определенных принципов, которые выражают его сущность и социальное значение. В принципах права отражаются те социальные изменения, которые происходят в процессе развития общества [1, с. 10].

Одним из принципов гражданского судопроизводства действующий Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) называет принцип прокурорского надзора, согласно которому прокурорский надзор в гражданском судопроизводстве – это надзор за законностью и обоснованностью судебных постановлений по гражданским делам, а также за соблюдением законодательства при их исполнении, который осуществляется Генеральным прокурором и подчиненными ему прокурорами (ст. 23 ГПК).

Формирование и развитие института прокурорского надзора как принципа гражданского судопроизводства происходило в период, когда усиливалось значение таких принципов, как гласность, устность, диспозитивность и состязательность. Именно развитием принципа диспозитивности, в состав которого часть ученых включала государственное содействие в защите прав, обосновывалась необходимость усиления роли прокурора в гражданском процессе. Так, А. Т. Боннер определял принцип диспозитивности как движущее начало гражданского судопроизводства, заключающееся в зависимости движения (возникновения, развития и окончания) процесса прежде всего от